

ОЛЬГА КАРПОВИЧ

СОПЕРНИЦЫ

RUGRAM

Москва
2024

УДК 82-31
ББК 84(4Рос=Рус)6-44
К26

Карпович, О.
К26 Соперницы / О. Карпович. — М.: RUGRAM, 2024. —
322 с.

ISBN 978-5-521-91128-8

Алена — не коренная москвичка, так себе, лимитчица, к та-
ким даже столичные дворники неласковы. Попасть на борт пре-
стижного круизного лайнера казалось девушке большой удачей.
Однако если бы в тот солнечный миг Алена знала, как изменят
всю ее жизнь эти, казалось бы, короткие четырнадцать дней, то,
возможно, никогда не решилась бы взойти на палубу «Михаила
Лермонтова»... Любовь и страсть, предательство и смерть начи-
нают свою игру, ставка в которой — сразу несколько человеческих
судеб.

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-91128-8
© Ольга Карпович, текст, 2023
© RUGRAM, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

— Синьорина, будьте любезны, мне нужен красивый букет для юбилея.

Верткая девчонка с кожей оливкового цвета, наверняка приехавшая в Италию откуда-нибудь из Бангладеш в поисках лучшей доли, принимается суетиться между расставленными по плиточному полу громоздкими вазами, теребит самые разнообразные цветы, наполняющие спертый воздух привокзальной лавочки жирным приторным благоуханием. Я последовательно отвергаю каждый из предложенных вариантов. Ей не так-то легко угодить, ОНА не любит розы — «пошлые», презирует лилии — «фальшивые», не терпит орхидей — «траурные». В конце концов я выбираю охапку мелких, как ромашки, разноцветных хризантем и прошу перевязать их шелковой лентой.

Я выхожу из магазина, и солнце немедленно бьет мне в глаза. Невидимое за полосой низких домиков шелестит море. Еще утром я была в современном живом деятельном Риме, а теперь поезд — я специально не садилась сегодня за руль, чтобы выпить традиционный бокал ЕЕ любимого «Моет», — унес меня в солнечно-лазоревою обитель тех, кто уже устал от беше-

ного ритма столицы и заработал на спокойную старость у моря. Дорогие виллы, утопающие в темной виноградной зелени, частокол белоснежных мачт, мирно покачивающихся у причала, поросшие благоуханными кипарисами холмы.

Я поворачиваю налево, туда, где за высоким каменным забором прячется в зелени ухоженного садика небольшой двухэтажный белый домик — одна спальня, одна гостиная, терраса с единственным придвинутым к перилам креслом, — этакая мечта завязитого мизантропа, персональный рай для одиночки.

Но проникнуть сюда не так-то просто: на въезде оборудовано что-то вроде КПП, и верный смуглолицый страж придирчиво оглядывает каждого пожаловавшего, подвергает суровому осмотру, который в девяти случаях из десяти оканчивается выражением сожаления, что синьора принять гостя не может. Я чуть ли не единственная допущенная к святыне, и все равно охранник каждый раз провожает меня подозрительным взглядом — не прячу ли я под одеждой диктофон или, того хуже, фотоаппарат? Сегодняшний мой облик — светлое летнее платье чуть выше колен, ловко охватывающее фигуру, коротко стриженные волосы, темные очки и миниатюрная белая сумка — не вызывает у него нареканий. В самом деле, спрятать что-то мне просто негде, разве что запихнуть видеокамеру в букет.

Пройдя через сад, поднимаюсь на крыльцо. Волоокая горничная — единственная, испытанная временем, верная и неподкупная, просто Зоя Космодемьянская среди горничных — приветливо улыбается и сообщает, что «настроение у НЕЕ сегодня ничего, спокойное». И я невольно усмехаюсь — во все време-

на перепады ЕЕ настроения всеяли священный страх в души домашнего персонала. Поблагодарив девушку, которая старательно отрабатывает немаленькую зарплату, я прохожу через прохладный холл прямоком на залитую солнцем террасу и, прищурившись от пляшущих по натертому полу солнечных зайчиков света, ищу глазами ЕЕ.

Конечно же она в кресле. Приближаясь, отмечаю невольно, как жаль, что ОНА ушла со сцены, могла бы выходить в «Пиковой даме» почти без грима — величественная старуха с удивительно прямой спиной, вековой выправкой несгибаемых плеч и быстрыми живыми глазами на застывшем пергаментном лице. ОНА еще не видит меня, смотрит куда-то в сад. Я иду к НЕЙ, бережно прижимая к груди цветы, вижу, как солнце играет на ее гладких, совсем белых теперь, забранных в тугой узел на затылке волосах, чувствую на лице дуновение пахнущего водой свежего ветра — и вдруг проваливаюсь, откатываюсь на пятнадцать лет назад. Вспоминаю, как впервые увидела ЕЕ, темно-волосую, энергичную, непоколебимо уверенную в собственной силе и красоте женщину. Увидела там, на причале, куда я, нищая и тем более жадная до жизни двадцатилетняя студентка, заявила с тощей спортивной сумкой на плече, уверенная, что вытасила счастливый билет.

1

На пристани нестройно взвыли золоченые трубы Оркестра, тревожно и гулко ударил барабан. Вбесившийся ветер рванул разноцветные флаги на здании речного вокзала. Я плотнее запахнула на груди джинсовку и заспешила к стоявшему у причала длинному белому теплоходу. За спиной гудела Москва — огромный, никогда не засыпающий муравейник, с которым я успела уже сродниться за несколько институтских общажных лет: широкие проспекты, запруженные людьми площади, сохранившиеся с восемнадцатого века тихие деревянные особнячки, которые запросто соседствуют с бетонными высотками, памятники, автомобили, универмаги. Все это оставалось позади, впереди же меня ждали свежий речной простор, живописные среднерусские пейзажи и провинциальные городки.

Яркое майское солнце расколосось на тысячу осколков, задрожавших в окнах корабля. Краснолицый, лоснящийся от осознания собственной важности стюард в форменной ливрее размашистым жестом откинул темно-красный бархатный канатик, перекрывавший вход на широкий трап, и на борт корабля бурным потоком хлынула толпа.

Вглядевшись в поднимавшихся по трапу пассажиров, я поняла, что зря неслась сломя голову от метро. Посадка только что началась, и первыми на борт, конечно, взбирались разношерстные представители современного российского бомонда. До нас, простых смертных, очередь должна дойти еще не скоро. Ладно, раз уж я прискакала в такую рань, приобщусь, пожалуй, к прекрасному и полюбуюсь компанией, с которой предстоит коротать ближайшие две недели. Тем более что Ленка, соседка по комнате в общежитии, напутствовала меня так: «Аленка, ты клювом-то не щелкай! Там такие папики соберутся — если кого подцепишь, в полном шоколаде будешь до конца жизни».

Я отошла чуть в сторону от трапа, извлекла из кармана пачку красного «Мальборо» — специально разжила перед поездкой, не позориться же перед потенциальным папиком «Явой», и собралась наблюдать за происходящим. Отступив на шаг, едва не толкнула высокую темноволосую женщину в элегантном брючном костюме. Скромный наряд мадам, по виду иностранки, резко контрастировал с кричащими одеяниями других счастливых гостей теплохода «Михаил Лермонтов», но стоил наверняка раза в четыре дороже любой расшитой стеклярусом тряпки. Я извинилась, и иностранка, уставившись на меня темными стеклами очков, надменно повела плечами с видом герцогини в изгнании. «Пафосная стерва», — мигом определила я и отвернулась, не желая пропускать начинавшееся шоу.

Внушительно проследовал по лестнице известный политик Баренцев, выставив в стороны мощные локти, словно демонстрируя столпившимся зевакам, которые не удостоились чести совершать речную прогулку.

ку на белоснежном стремительном корабле, что ни в коем случае не позволит им приблизиться к собственной царственной персоне. За ним, заносчиво выставив вперед бульдожью челюсть, семенила пожилая супруга в модной шляпке, надвинутой на редкие выцветшие локоны. Чуть наклонившись вперед и воровато оглядываясь по старой привычке, поднялся по ступеням бизнесмен Черкасов, еще недавно именовавшийся в определенных кругах Ванькой-Лепилой, теперь же, в условиях зарождающегося в стране капитализма, оказавшийся вдруг в числе самых почетных членов общества. Стюард, забывшись на мгновение, во все глаза уставился на протягивавшую ему десятидолларовую купюру руку важного пассажира, короткопалую, жилистую, расписанную синими куполами, затем, овладев собой, осклабился и благодарно принял щедрые чаевые. Проплыла, расточая улыбки и помахивая провожающим наманикюренной лапкой, знаменитая телеведущая в слишком открытом, слишком летнем для прохладной весны платье.

Стюард часто кланялся и услужливо показывал пассажирам первого класса только что отремонтированного, благоухающего свежим деревом и лаком теплохода «Михаил Лермонтов», как добраться до забронированных кают.

Справа и слева от меня то и дело мигали вспышки. Широко разрекламированный круиз по Волге в ставшем почему-то удивительно модным в новой России псевдорусском стиле должен был начаться через час, и журналисты спешили запечатлеть поднимавшихся на корабль хозяев жизни.

В мутной стальной воде плескались опрокинутые рваные облака, подернутые мелкой рябью. У края

причала вдруг вскипела волна и брызнула на замшевые туфли надменной иностранки. Женщина отступила на шаг и, обернувшись, коротко сказала по-итальянски:

— Поїдем, дорогой!

Только тут я заметила, что за спиной мадамы маячил долговязый парень в полосатой футболке. Юноша был очень даже ничего — на вид чуть младше меня, лет восемнадцать — двадцать, подвижный и гибкий. Беспечный взгляд зеленоватых широко распахнутых глаз, высокие скулы, четкая линия рта и копна каштановых, отливающих на солнце медью кудрей. «А синьора не промах, — сообразила я. — Какого мальчишечку отхватила себе в сопровождение! И пылу-то хватает еще на молодых любовников, ей же ведь крепко за сорок, сразу видно, сколько там ни отваливай пластическим хирургам».

Неопознанная туристка меж тем шагнула на трап к уже поджидавшему ее швейцару, скользнула изящной ладонью по отполированным перилам. Я же так загляделась ей вслед, прикидывая, уж не моя ли это будущая подопечная, что не заметила, как уронила перчатку. Зато это немедленно усек ангелоподобный альфонс и кинулся на помощь. Не в меру вежливый красавец подобрал с асфальта кожановую рванину и любезно протянул мне ее на глазах у всей толпы. Усатый корреспондент рядом мерзко захихикал.

Я рывкнула:

— Спасибо! — И постаралась побыстрее затолкать позорную перчатку в карман.

— Не за что, — неожиданно ответил юноша по-русски, хотя и с заметным акцентом.

Вот оно что, мы шарим по-русски! Синьора предпочитает образованных альфонсов...

— Вам тоже на корабль? — не отставал вежливый итальянец.

— Ну допустим.

На нас уже начали глазеть, а неумный парень вдруг вцепился в мою сумку, тоже, надо сказать, далеко не новую, и стал взваливать ее на плечо:

— Давайте я помогу.

— Да не надо мне! Вот пристал! — Я отбивалась, как могла.

Парень же так и вцепился в ручку, продолжая при этом приветливо улыбаться:

— Почему, девушка? Я просто хочу помочь...

Итальянка растерянно обернулась уже с самого верха трапа и с привычной строгой интонацией позвала:

— Эдоардо!

Я же, изловчившись, выдернула сумку из рук настойчивого Эдоардо и буркнула:

— Дуи давай! Труба зовет!

— Что? — оторопело захлопал прямыми угольно-черными ресницами парень. — Я не понимаю...

Итальянка снова позвала его, и мальчишка наконец побрел к трапу. Не успели они скрыться на борту, как толпа на причале забурлила, загудела, услужливо раступилась, и у трапа возник сам хозяин всей этой канители Анатолий Маркович Голубчик, крупный породистый мужик лет пятидесяти с гаком. Внушительная фигура, лицо римского патриция — резкое, властное, с прямым носом и выдающимся вперед квадратным подбородком, — красиво осыпанные сединой волосы, особый, не местный, лоск.

Да, хозяин «заводов, газет, пароходов» определенно был хорош собой. Если уж и впрямь заниматься